

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2015.4.2

Европа как регион и как концепт: к методологии вопроса*

В. Г. ФЕДОТОВА

(ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН)

В статье обсуждается место России в Европе и осуществляется историческое рассмотрение изменений регионального состава Европы за период XVII–XXI вв.

Показано значение термина «Европа» как региона и как концепта, характеризующего ее основные ценности. Под этим углом зрения рассматривается история Европы, отражающая ее географические параметры и ее сущность в разные исторические времена — Европа после Вестфальского договора (после 1648 г.), в эпоху Гете (вторая половина XVIII в. — первая треть XIX в.), XIX и XX вв. (после Первой и Второй мировых войн, после распада СССР) и XXI в. (с началом глобализации). Показан особый интерес к России в Европе после реформ Петра I.

Утверждается необоснованная претензия Европейского Союза говорить сегодня от имени Европы. Ставится вопрос о России как о Европе. Евразийское географическое пространство России и наличие многообразных этносов и культур не отменяет гражданской идентичности России как европейской и значимости европейских ценностей для нашей страны. Но для России важен мультикультурализм, который сегодня официально отменен в ЕС.

В статье рассматривается расширение границ модернизированной Европы. Показывается сближение концепций модернизации этого региона с национальными моделями модернизации в период новой фазы современности — третьего модерна, открывшего сегодня новое Новое время для незападных стран. Опыт рассмотрения Европы как региона и как концепта дает методологические основания восприятия России как региона и как концепта.

Ключевые слова: Россия; Европа; регион; концепт; мультикультурализм; фрагментация; Вестфальский мир; Британия; Германия; фаустовская культура; модернизация; миграция; история Европы; ЕС

ВВЕДЕНИЕ

Обсуждаемая проблема актуальна и мало исследована. Ее актуальность обусловлена потребностью понимания сущности европейской идентичности в меняющемся мире, поиском новых методологических оснований для ее исследования. Цель статьи — определение изменений Европы в ходе ее исторического развития, эволюции ее как региона и как концепта для обсуждения места России в европейской истории и современности.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проект «Фактор культуры в национальных моделях модернизации», грант № 15-03-00646).

The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for the Humanities (project “Culture as a Factor in the National Models of Modernization”, grant No. 15-03-15-03-00646).

Вопрос о культурных факторах российского развития во многом связан с самосознанием России — считает ли она себя европейской или евразийской страной. Место страны в координатах европейского развития исторически изменчиво, как изменчив регион Европы на протяжении истории. Но Европа интересует нас не только как регион, но и как концепт, определяемый не только географией, но и своей сущностью. Средневековая Европа имела задачи определения себя как региона и как концепта в связи с устойчивостью своего географического положения и своей идентичности. Но в Новое время стали играть большую роль особенности национальных государств, их колониальных владений и восприятий гражданами своей принадлежности к определенному региону с его специфическими особенностями. Говоря в статье о Европе как регионе и как концепте, мы создаем методологическую базу для последующего исследования России как региона и как концепта. Используются культурно-исторический метод, методы сравнительного анализа, типологизации и др.

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ В РОССИИ И В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Как регион, Россия, несомненно, расположена в Европе и Азии, имеет и европейское население, и азиатские народы, демонстрируя тем самым свою евразийскость. Но интегративные тенденции сегодняшней России направлены на ее самоопределение, тождественное ее целостности и формируемой ею российской гражданской идентичности.

Другой особенностью России остается мультикультурализм как совместное проживание народов с разной этнической и культурной идентичностью, с наличием автономий, имеющих как свою собственную региональную гражданскую идентичность, так и разделяющих общероссийскую. Мультикультурализм, который сегодня не сохранили многие страны и который официально отвергли в ЕС, наличие естественно-исторической общности российского народа, сложившейся за тысячелетие совместного проживания, продолжают существовать в нашей стране.

ЕС официально объявил о кризисе мультикультурализма в связи с потоками беженцев, отношение к которым сегодня уже самоочевидно негативное и вышло за пределы дискуссий и разногласий. Последнее время потоки беженцев превратились буквально в переселение народов. Но отказ от мультикультурализма уже стал очевиден в ЕС несколько лет назад в связи с плохой адаптацией ранее прибывших беженцев к культуре стран Европы, к позициям ЕС. Он был обозначен в 2011 г. руководством ЕС и вызвал большую поддержку коренного населения Европы. Однако, на наш взгляд, это был и прежде не мультикультурализм, а культурная фрагментация, ибо включение новоприбывших мигрантов с их собственными культурами в коренное население Европы осуществлялось в качестве анклавов. Не было интеграции и культурного взаимодействия миграционных анклавов в странах ЕС с культурно-исторической общностью Европы или ее конкретной страны, где осели мигранты. Причина этого состоит в том, что экономические беженцы, стремящиеся ныне попасть преимущественно в самую богатую и благоустроенную в социальном плане страну — в Германию, требуют к себе отношения не как к индивидам (что Германии и другим было бы понятно), а как к группе, имеющей особую культуру. Это — самая неприемлемая для Запада черта, противоречащая его принципам индивидуальной ответственности. Именно с ней и с культурными отличиями вновь прибывших от коренного населения связана главная проблема. Ответом на нее может стать и то, что и немцы заявят о себе как о группе с определенной культурой и станут настаивать на доминировании своей

культуры в ЕС. Пожалуй, позиции мультикультурализма на Западе держатся преимущественно в Канаде, имеющей множество мигрантов разных эпох, которые сочетают этническую культурную идентичность с гражданской идентичностью жителей Канады, не имеющих тех противоречий, которые сложились в ЕС. Противоречия между франко- и англоговорящими территориями Канады сегодня во многом утратили свою остроту. Это объясняет устойчивость мультикультуралистских позиций в теории канадского исследователя У. Кимлики (Кимлика, 2010: 270–470), что в меньшей мере присуще прежним сторонникам мультикультурализма в Европе.

В России мультикультурализм и наличие гражданской идентичности всего общества и региональных сообществ существенно отличаются от той ситуации, которая сложилась в странах ЕС: Россия остается устойчиво мультикультуралистской. Однако это состояние не является предельно прочным. В 1990-е годы СССР распался, потеряв значительную часть своих регионов. Эта тенденция продолжилась отделением Украины и нынешними процессами в ней, противопоставляющими российскую, русскую и украинскую идентичность. То, что ряды ИГИЛ («Исламское государство Ирака и Леванта») пополняются гражданами России и даже ее русскими гражданами, не исповедующими ислам, создает новые напряжения в отношении восприятия и Европы, и России как региона и как концепта. Если регион четко закреплен на карте, юридически оформлен в отношении того, что является российской территорией или территорией ЕС, то концепт России и концепт Европы, раскрывающие идентичность страны и данного наднационального союза, являются более подвижными и достаточно изменчивыми.

ЕВРОПА И ЗАПАД

Посмотрим на судьбу мультикультурализма в Европе и на Европу как регион и как концепт. Очень важно понять то, что Европа выступает именно в двух этих ипостасях. Данная мысль по праву посвящена автору, который послал мне статью, начинающуюся следующим пассажем: «Для России советской эпохи фашизм являлся порождением западной части мира и был продолжением более общего расхождения России и Европы в 1917 году, при разделении мира на социалистический и капиталистический. После этого фундаментального расхождения, ставшего цивилизационным краеугольным камнем XX века, фашизм возник как явление внутризакпадное, как рациональная система Запада Европейского». В общении с автором этого пассажа я обнаружила: он думает так потому, что Италия и Германия, чей фашизм получил распространение, находятся в Европе, более того, в Западной Европе. Именно отрицание этой неадекватной констатации, которая имеет свою логику, привело меня к идее данной статьи и к разделению вопроса о Европе как регионе и как концепте. Автор был поражен моим объяснением того, что ни Италия, ни Германия не были западными странами в это время, не стали частью Запада и, даже находясь на Западе Европы, не могли быть в этот период названы западными в концептуальном смысле. Я объяснила ему, что фашизм был реакцией Германии на ее невхождение в мир Запада, на провал ее политики догнать Запад и одновременно следствием желания доказать свое преимущество. Многие выдающиеся немецкие философы, например В. Зомбарт, смотрели на немецкое прошлое с восхищением, характерным для романтических критиков капитализма. Коммунизм же в России был попыткой догнать и обогнать Запад, сравняться с ним в значимости и в достижениях. Россия тоже не стала частью Запада. Соответственно в самой Европе как регионе создавались анклавные страны, которые могли назвать себя

западными, и те, которые не имели для этого концептуальных оснований, хотя находились географически на Западе, или в Западной Европе. Даже многочисленные произведения об истории Европы часто упускают проблему превращения европейского региона, относительно ясного своими географическими очертаниями, в связанный с эпохой тождественный этому региону концепт, а также то, что Европа, в том числе и Западная, состоит из множества неравномерно развитых стран, только часть которых прошла модернизационное развитие и стала Западом.

В период формирования Вестфальской системы Европа как географическое пространство включала колонии, но как концепт, по мнению некоторых авторов, она характеризовалась даже не суверенитетом имеющихся в ней государств, а начавшейся в ее регионе модернизацией. По мнению Б. Течке, «скорее, международные отношения с 1648 года до Первой мировой войны и дальше были геополитически опосредованы давлением модернизации, которое исходило от капиталистической Британии» (Teschke, 2003: 250; цит. по: Пийль, 2006: 105). Как считает К. ван дер Пийль, «еще одно <...> заблуждение связано с глубоким непониманием *пространственных* аспектов наступления современности. Ибо это в целом верное утверждение насчет “Британии” на самом деле относится к англоязычной транснациональной сфере, включающей заморские колонии и превосходство на море, — тому, что можно назвать (в честь автора “Двух трактатов о правлении”) “локковским оплотом”» (выделено в источнике. — В. Ф.) (Пийль, 2006: 105). Английский капитализм, развитию которого способствовали буржуазная революция в Англии 1640–1660 гг. и гражданские войны между роялистами и сторонниками парламентаризма в 1642–1644 и 1644–1646 гг., стал основой формирования современности посредством модернизации. Современность согласно О. Шпенглеру, который обращается к эпохе Гете, сначала начинает складываться как новая «фаустовская культура», зародившаяся еще в десятом веке и отрицающая доминировавших прежде как аполоновского, так и магического человека. «Фауст», над которым И. В. Гете работал почти всю жизнь, прослеживает становление зрелых форм этого мировоззрения и его превращение в проект современности. *Либеральная первая, зрелая современность* сформировалась в XIX в., но имела как подготовительные формы, так и разные стадии. О. Шпенглер пишет о ней как о первоначально случайной констелляции форм, в ходе собирания которых она «явилась типом исторического действия, которое внутри большого исторического организма, обладающего точно ограниченным объемом, занимает известное, биографически предопределенное в течение веков место» (Шпенглер, 1993: 90–91). Речь идет о Западной Европе, регионе, которой является «покоящимся полюсом <...> вокруг которого скромно вращаются мощные тысячелетия истории и далекие огромные культуры» (там же: 50).

Европа отличалась от этих миров тем, что ею овладела «фаустовская» идея, надевшаяся ее самосознанием, идеей формирования личности, выражающей себя в мемуарах, размышлениях, исповедях, появились стереометрия и анализ, динамо-машина, социальная воля к власти и пр., как отмечал О. Шпенглер. В отличие от «локковской Европы» «Европа Гете» стала относиться к формированию модерна не только как к естественно-историческому процессу, выведшему Европу на путь современности, но и как к проекту, который стал осознанно направлять Европу к модерну (Колпаков, 2014: 56–57).

«Локковская Европа» претерпела изменения в конце XVIII — первой трети XIX в. И. В. Гете (1749–1832) жил в эпоху катаклизмов, войн и революций, превращения феодальной, дворянско-монархической Европы в буржуазно-капиталистическую. Он,

прожив долгую жизнь и являясь государственным деятелем, увидел в Вестфальской системе негативные последствия для раздробленной Германии, ибо эта система не позволила Германии получить статус, который бы объединял все ее территории (не все ее части были собраны в немецкое государство). И в то время, когда Гете мечтал об объединенном национальном государстве Германии, его современник философ-романтик Г. Новалис выступил с идеей единства европейских государств в своем развитии. В произведении Новалиса «Христианство или Европа» центральная тема состоит в обосновании новой политической реальности Европы как единой субстанциональной сущности, образованной взаимосвязанными между собой нациями-государствами Европы. Как отметил К. Хюбнер, «Новалис был первым, кто осознанно поставил в центр политической философии проблемную связь “Нация и Европа”» (Хюбнер, 2001: 151). Это свидетельствует о том, что идеи модерна проникли в Европу даже тогда и там, где она еще не была современной. В Германии идея стать современной в концептуальном смысле была достигнута ценой огромных ошибок и огромных жертв.

В Великой французской революции, не отрицая ее достижений, И. В. Гете видел нерешенность многих базовых проблем, в том числе и в осуществлении ее лозунга «Свобода, равенство, братство». Он был близко знаком с русским двором, с царями и царицами, интересовался реформами Петра Первого и видел, что Германия и Россия стремятся попасть в число стран того нового и растущего ядра, которые позже были означены Шпенглером современностью, окруженной странами тысячелетней культуры, но не вошедшими в современность.

Западная Европа XIX в. покинула свои средневековые обычаи и сделала значительные шаги для приобщения Франции к либеральной современности, хотя преобладание там политических процессов над экономическими еще не позволило ей сравняться с Англией. Америка стала другим регионом первого либерального модерна, но в данной статье мы не будем касаться Америки. Развитие капитализма распространялось на Западе Европы. Европейская современность, окруженная огромным числом несовременных, не вошедших в период модерна стран, на Западе Европы имела стремительное развитие. Однако эти изменения, обозначенные как появление первого либерального модерна в XIX в., привели в начале XX в. первый модерн к кризису (Федотова, Колпаков, Федотова, 2008). Первый либеральный модерн исчерпал свои возможности, вызванные тем, что доминирование либеральных принципов имело не только позитивные, но отчасти и негативные результаты, а также стремление Германии и России сравняться с «Западом» — Европой, включавшей уже Англию и Францию и их колонии. Об этом красноречиво писал К. Поланьи, еще не знавший такого термина, как модерн, но объяснявший появившийся в Германии в 1930-е годы фашизм — реакцией на либерализм в Европе, а относительно начала XX в. заявивший, что «цивилизация XIX в. потерпела крушение» (Поланьи, 2002: 13). Россия и Германия в начале XX в. еще только стремились к ускоренной вестернизации и модернизации, к развитию промышленности, в том числе и военной. Но Поланьи считал, что международная система XIX в., базирующаяся на равновесии сил, предотвращавших войну, золотом стандарте, свободном рынке и либеральном государстве, рухнула.

ГЕРМАНИЯ И ЕВРОПА

Первая мировая война закончилась поражением Германии, что не позволило ей войти в современность. Подобно тому как Гете сожалел о том, что Вестфальская си-

стема не дала Германии объединиться, Шпенглер написал «Закат Европы» с мыслью о трагическом положении побежденной Германии. Он выступал за восстановление немецкого государства, опираясь на традиционные ценности немецкой культуры — долг, порядок и справедливость, отличающиеся от принципов западной (современной) цивилизации (Англии, Франции и Америки) (Шпенглер, 2015).

Во время Первой мировой войны появилась новая идея объединения Европы на базе Германии. В книге «Срединная Европа», вышедшей в 1915 г. и переведенной на большинство европейских языков, излагаются основные идеи и основания этого плана (см.: Науманн, 1918). В его основе — не задачи вхождения Германии в современность, а задачи обеспечения жизненного пространства для Германии. После поражения во Второй мировой войне вопрос о территориальных ресурсах был снят развитием технологий и демократии, но до этого решения Германия не могла избавиться от проблемы «жизненного пространства». Интересно то, что Ф. Науманн не перечисляет государства, которые могут войти в «Срединную Европу», дабы избежать злобы дня военного времени и решать вопрос теоретически.

Как показал украинский исследователь В. Левандовский, «промежуточные» нации — кандидаты в «Срединную Европу»: финны, шведы, эстонцы, литовцы, латыши, поляки, украинцы и румыны — назывались еще *Zwischeneuropa* — «Междуевропа» (Левандовский, 1994). Идеи «Срединной Европы» и включения в нее как центрального пункта этой проблемы Украины разделял М. Вебер. Добровольное объединение вокруг Германии требует либерализации самой Германии так, чтобы перестать быть Германией прусско-бисмаркского образца, признать польскую государственность и создать новый свободный союз народов. Ф. Науманн был членом Рейхстага, и он боролся за новую Германию, которая создаст новую Европу.

«Срединная Европа» не совпадала с географическими представлениями о Средней и Центральной Европе, ее границы предполагались простирающимися от Балтики до Черного и Адриатического морей: «Эта площадь должна рисоваться в нашем воображении как одна величина, одна многораздельная братская страна, один оборонительный союз, одна экономическая область» (Науманн 1918: 3). Такой союз был бы способом защиты, о необходимости которой напоминает война.

Ф. Науманн строит, по существу, идеально-типический геополитический конструкт, с помощью которого он надеется найти новых союзников в борьбе с Австро-Венгрией, Францией, Англией и Россией. «Срединная Европа» трактовалась как наднациональное образование, которое соединит страны, расположенные на географическом Западе (Германия) и на Востоке, чтобы дать простор их развитию. «Срединную Европу, — пишет Науманн, — можно сравнить с озером, в котором плавают самые разнообразные породы рыб. Нигде нет точно определенных границ. Все течет, смешивается, кричит, ругается, молится, просит... <...> Если все эти отдельные части не пожелают согласиться, то сам Михаил Архангел не сплотит их. Слить всю эту массу в один государственный организм и привести к одному войску и к одному политическому знаменателю является превышающею почти человеческие силы задачей, но вместе с тем целью, достойною величайших государственных деятелей, движимых духом истории» (там же: 54). Колеблясь между этой недостижимой задачей и задачей военно-политически-культурного объединения, Ф. Науманн соглашается на меньшее: «Создание Срединной Европы не означает образования нового государства, а заключение союза между существующими независимыми государствами. Срединная Европа не будет союзным государством, а союзом государств; хотя первая форма и пред-

ставляла бы больше реальных выгод, но она неосуществима» (там же: 120). Однако не остается сомнений в характере нового объединения: «По существу, Срединная Европа будет немецкой; она будет пользоваться для мировых отношений немецким языком» (там же: 69). Одинокая, воюющая, бедствующая Германия не теряла амбиций. Государства, расположенные между Россией и Германией, включая украинцев, могут быть ориентированы либо на Россию, либо на Германию: «Что не хочет или не может быть русским, должно стать средневропейским» (там же: 69). Предвидя упрек в империализме, Науманн пишет: «...надо познакомиться, с социологической точки зрения, с новыми сверхнациональными государственными организмами, какими мы можем считать Великобританию, Америку и Россию. Каждый из этих организмов обширнее и громадче, чем может когда-либо стать Срединная Европа. В наилучшем случае Срединная Европа может сделаться четвертым мировым государством» (там же: 95).

Экономическая система этой общности описана недвусмысленно: «За это же время государственный социализм сделал у нас невероятные успехи. До войны говорили: “это мой картофель, я могу с ним делать, что хочу”. Теперь же повторяют: “твой картофель — наш картофель”. <...> Добровольная экономическая диктатура может достичь изумительных результатов» (там же: 87). Тот, кому непринадлежность Германии, находящейся в сердце Европы, к Западу казалась сомнительной, надеюсь, убедился в этом, и что-то ему напомнило о ЕС.

Я никогда не цитировала так много, что объяснимо малодоступностью книги Ф. Науманна и новым интересом к его идеям в связи с распадом СССР. В частности, возобновляется интерес к идеям либо особого статуса Украины как страны, способной стать частью чего-то вроде новой «Срединной Европы», или утверждаются большие возможности Украины, чем России, стать частью Запада из-за ее географической близости к нему и некоторых отличных от российских культурных особенностей.

В Германии идея «Срединной Европы» после Второй мировой войны потеряла популярность: демократия и технологии сделали прежний вопрос территорий менее значимым. Воссоединение Германии показало, что новые земли ставят немало проблем, и интеграция осуществлялась трудно. Культурные различия бывших ГДР и ФРГ долго давали себя знать. Они вытекали не только из различий опыта построения социализма и капитализма, но и из того, что сам этот опыт уходил корнями в историю, раскрытую О. Шпенглером в работе «Пруссачество и социализм» (Шпенглер, 2002).

Первая мировая война создала карту Европы не только как стран Европейского континента, но и колониальных владений Европы, подобно тому как это было с «локовской Европой» в плане методологии, но отличающуюся составом тех стран, которые оказались руководимыми, как пишет Хантингтон, Западом. Он выделяет США, часть Западной Европы, почти всю Африку, Индокитайский полуостров и Австралию (Huntington 1996: 23–24). Первая мировая война не решила проблем Германии о вхождении в современность.

Посчитав для себя оскорбительным Версальский мирный договор, Германия развязала Вторую мировую войну, которая тоже закончилась для нее поражением, научившим в итоге ее новым европейским ценностям. Традиционный лозунг «Родина, семья и работа» противостоял лозунгу французов «Свобода, равенство и братство». В музее Гренобля, где я видела их вместе, сущность современности предстала нагляд-

нейшим образом во французском плакате, а не в немецком, равно как различие архитектур на парижской фотовыставке немецкого философа В. Беньямина, где Берлин — тевтонский, мрачный и рядом легкий, привлекательный Париж.

Европа после Второй мировой войны представляла собой мир победителей фашистской Германии, где Германия пребывала первоначально в тяжелой ситуации. Английский исследователь Л. Госсман показывает, что концепт Европы не являлся в это время самоочевидным, так как он «не относится явным образом ни к четко установленному географическому или физическому пространству, ни к единой истории или культуре» (Госсман, 2012: 84). Он вспоминает, что даже после Первой мировой войны в его родном городе Глазго принадлежность Британии к Европе не казалась самоочевидной: «...большинство проблем, заботивших мировых лидеров, были европейскими проблемами. Но в моем родном Глазго центральное положение Европы отнюдь не занимало умы масс. Люди были поглощены отчаянными попытками не лишиться работы, зарабатывать на еду и одежду... <...> Вдобавок, будучи жителями Великобритании, а точнее, ее дальней северной части, мы не ощущали себя исключительно или хотя бы главным образом европейцами. В школе нас учили, что наша судьба неразрывно была связана с раскинувшимися по всему свету землями британских доминионов и колоний. У большинства из нас (в том числе у меня) были родственники в Канаде, Австралии, Новой Зеландии или Южной Африке — странах с похожими нравами, языком, институтами. Нам, жителям Глазго, Милан и Вроцлав казались гораздо более далекими, чем Монреаль или Брисбен, и во многом так оно и было. <...> В те годы никто из нас не осознавал, что империя уже готова развалиться, подобно карточному домику. Мы чувствовали себя и в Европе, и вне ее. Поэтому мы не сильно волновались по поводу европейского заката. Мы были британцами» (там же: 85).

Следующая карта Европы и ее владений представлена Хантингтоном после 1960-х годов, т. е. в период холодной войны, когда мир был расколот на две части. Колониальная система уже распалась, и центр демократии — США представлен с островками демократии в Европе, на Ближнем Востоке, в Южной Африке и Австралии (Huntington, 1996: 24–25).

Имеется также карта девяти цивилизаций в «постдевяностые» годы, где на Запад приходятся следующие регионы — США, Западная Европа и Австралия. Карта же в целом говорит о многообразии цивилизаций, которые могут прийти в столкновение (там же: 26–27).

Как видим, не только концепт Европы может выглядеть изменчивым, но и Европа как регион, зависящий от вхождения в современность, от наличия демократии, капитализма, рынка влияния в Европе, колониальных владений и влияния на другие страны.

Германия сегодня стала лидером ЕС. Пройдя две мировые войны, она стала современной и демократической, вышла из послевоенной разрухи с помощью реформ Л. Эрхарда и демократической политики. Онаполнила семью демократических современных стран, первыми из которых были Англия и Франция.

Каков же вывод для России, расположенной на Западе и Востоке, на Севере и Юге? Каково ее отношение к Европе, можно ли при таком ее расположении в пространстве говорить о ней как о Европе?

Мы видели, что это вопрос не географии, а вхождения в современность, в разряд стран, которые прониклись проектом модерны, оставляя вокруг себя множество дру-

гих стран, как об этом говорил Шпенглер. Россия прошла догоняющую Запад модернизацию, прошла организованный модерн индустриализации и социализма, который вовсе не является черной дырой в ее биографии, и сегодня пытается модернизироваться по модели своей культуры, по национальной модели модернизации, как и множество других стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Д. Читати считает, что «начиная с пространственной революции, ознаменовавшей Великими географическими открытиями, категории “Запад” и “Восток” уже утрачивают значение, которое было им присуще в античную или средневековую эпоху. С точки зрения географии Европа никоим образом не может быть приравнена к Западу, от которого ее отделяет океан. Именно на Западе заходит солнце, и символическое утверждение, что по мере продвижения на Запад Европа как единая цивилизация близится к своему закату, возможно, не столь уж поверхностно. <...> Европа может идентифицировать себя только как Запад *Востока* (выделено в источнике. — В. Ф.): иными словами, как западную часть Старого Света, как западный полуостров бескрайнего континента, занимающего восточное полушарие Земли. <...> Между тем осознание своего исторического нахождения в пространстве — принципиально важная основа для принятия решений практического характера» (Читати, 2014: Электронный ресурс). Это значит, что Запад повернул на Восток, а Восток — на Запад.

Приведенные соображения направлены на то, чтобы методологически обосновать рассмотрение России как обширного региона, занимающего часть Европы и Азии, и ее как концепта, характеризующего ее европейскую идентичность и стремление быть современной, мультикультурной страной.

После распада СССР возникли иллюзии немедленного вхождения в Европу, демократического капиталистического развития, осуществлялась демонизация СССР, несмотря на то что путь социализма был путем к современности, в современный мир и современную Европу, избранный как окружной, ибо прямо в Европу никто нас не брал. Но эйфория быстро закончилась. Политическая культура прошла испытания практикой, капитализм — тоже.

Европа после Второй мировой войны считала себя сохранившей и начавшей умножать ценности европейской интеграции, способствующей наступлению европейского века (Андерсон, 2007). Уже в год написания статьи, на которую дана ссылка, ее автор полагал, что Европа обратилась и к своим бывшим колониям, подобно США, активно обращаясь к проблемам стран, находящимся за пределами американского Юга.

Географическое видение Европы и восприятие Европы как концепта меняются. Европа в географическом плане тоже представлялась различной. Она казалась долгое время географической границей Востока, который ее окружал. С. Хантингтон, которого Европа интересует как концепт, обозначающий особую цивилизацию, показывает взаимовлияние цивилизационных оснований и географии. Он приводит три упомянутые карты — 1920-х годов (обозначены территории за пределами Европы, управляемые Западом), времен холодной войны (где Восточная Европа достаточно условно считается Европой) и после 1990-х годов, в которых место Запада и Западной Европы определяется их влиянием на мир. Именно тогда появляются лозунги: «Европа от Лиссабона до Урала», «Европа от Ванкувера до Владивостока», но это — уже концеп-

ции, а не география. Речь шла в период президентства М. С. Горбачева о том, что с распадом СССР и коммунистической системы в целом прежде закрытый регион социализма становится открытым для освоения западноевропейских принципов — демократии, правового государства, капитализма, свободы предпринимательства и прочих свобод, отказа от идеи совершенного общества в пользу современного общества как результат постоянной социально преобразующей деятельности людей. Так, в Европу как концепт, обозначающий ее принадлежность к современности (модерну), входила Германия после окончания Второй мировой войны и поражения фашизма. Германия обучалась быть Европой, присоединялась к Европейской цивилизации. Сегодня Германия — лидер Европы, ее цивилизационно наиболее устойчивая часть наряду с Великобританией и Францией.

Говоря о закате Европы после Первой мировой войны, О. Шпенглер имел в виду закат ее концептуального содержания как общества модерна, в котором господствуют не предзаданные состояния, а творческие действия людей и народов.

Многие приветствовали идею Европы и вхождения в нее Германии, чтобы положить конец чисто националистическим ожиданиям, соединив национальные цели с целями Европы. Идея Европы после окончания холодной войны завладела умами не только политиков, ученых, но и общественности. Казалось, что эта идея формирует континент: «ЕС был в то время в первую очередь западноевропейским образованием, но начиная с 1991 года к нему — наряду со Швецией, Кипром и Мальтой — присоединились такие центрально- и восточноевропейские страны, как Австрия, Венгрия, Чешская Республика, Словакия, Польша, Румыния, Болгария, Словения, Латвия, Литва и Эстония. И конечно же, было восстановлено единство двух Германий» (Госсман, 2012: 81). Произошли серьезные изменения в восприятии Европы: «Концепт Европы перестал отождествляться с Западной Европой, хотя она воспринималась как его ядро, модернизирующее Восточную Европу и прибалтийские страны» (там же: 81).

В статьях 2006 г. мы могли прочесть о невеликодушии Европы в отношении прибывших в нее иммигрантов, о перспективах ЕС преодолеть эту ситуацию и о мультикультурализме, который имеет перспективу. Новые страны — Греция, Италия, Испания, Ирландия, Португалия и восточноевропейские страны вступили в ЕС, явно стремясь стать современными, пройти модернизацию, вступить в модерн. Но это уже третий модерн: новое Новое время для незападных стран, когда культура определяет условия и границы модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андерсон, П. (2007) На что похожа реальная Европа? // Прогнозис. № 3 (11). С. 6–32.
Госсман, А. (2012) Идея Европы // Логос. № 4 (88). С. 81–108.
Кимлика, У. (2010) Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики. 592 с.
Колпаков, В. А. (2014) Философия и наука в пространстве рождающейся современности // Вопросы философии. № 8. С. 54–64.
Левандовский, В. (1994) Украина в геополитических концепциях первой трети XX столетия // Политическая мысль. № 3. С. 59–69.
Науманн, Ф. (1918) Срединная Европа (Mitteleurope) / пер. с нем. В. Я. Фан-де-Флита; предисл. Б. Э. Нольде. Пг.: Огни. 136 с.
Пийль, К. ван дер (2006) Локковская Европа? // Прогнозис. № 2 (6). С. 102–128.
Поляньи, К. (2002) Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей. 314 с.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М. : Культурная революция. 608 с.

Хюбнер, К. (2001) *Нация: от забвения к возрождению* / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Канон+. 400 с.

Читати, Д. (2014) Европа не есть Запад: интересы, ценности и идентичность в европейской традиции [Электронный ресурс] // Перспективы. 18 июня. URL: http://perspektivy.info/rus/gos/jevropa_ne_jest_zapad_interesy_cennosti_i_identichnost_v_jevropejskoj_tradicii_2014-06-18.htm [архивировано в WebCite] (дата обращения: 17.08.2015).

Шпенглер, О. (1993) *Закат Европы* / пер. Н. Ф. Гарелина. Новосибирск : ВО «Наука», Сибирская издательская фирма. 592 с.

Шпенглер, О. (2002) *Пруссачество и социализм* / пер. с нем. Г. Д. Гурвича. М. : Праксис. 240 с.

Шпенглер, О. (2015) *Воссоздание германского рейха* / пер. с нем. А. В. Перцева, Ю. Ю. Коринца, послесл. А. В. Перцева. СПб. : Владимир Даль. 223 с.

Huntington, S. (1996) *The clash of civilizations and the remaking of world order*. N. Y. : Simon and Schuster. 367 p.

Teschke, B. (2003) *The myth of 1648: Class, geopolitics, and the making of modern international relations*. L. ; N. Y. : Verso. 308 p.

Дата поступления: 12.09.2015 г.

EUROPE AS A REGION AND A CONCEPT: METHODOLOGY OF THE ISSUE

V. G. FEDOTOVA

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

The article deals with Russia's place in Europe and historically examines Europe's changing regional membership in the 17th–21st centuries.

We provide the definition of Europe as a region and as a concept that determines Europe's basic values. From this perspective, we overview Europe's history, including the role of its geography, throughout several historical epochs — Europe in the wake of the Peace of Westphalia (after 1648), Europe in times of Goethe (the latter half of the 18th century — the first third of the 19th century), the 19th and the 20th centuries (after the First and the Second World Wars, in the wake of the USSR) and the 21st century (with the rise of globalization). We also focus on the particular interest Europe had in Russia in the wake of Peter the Great's reforms.

Regarding the concept of Europe in the 21st century, we state that the EU's claim to speak for the whole Europe is unjustified, which brings up the issue of Russia as part of Europe. Russia's Eurasian geographic space and diversity of ethnic groups and cultures do not cancel Russia's civil identity as a European nation, as well as its other European values. At the same time, Russia needs to preserve multiculturalism, which has been officially abolished in the EU. Russia's cultural ties to Europe also back its European identity. Slogans like “Europe from Vancouver to Vladivostok” or “Europe from Lisbon to Vladivostok” in the current times of political instability can be used only as metaphors.

The article also deals with border expansion of modernized Europe, revealing the similarity between European modernization with its national models during the Third modernity — the stage which introduced the Modern Age to non-Western nations. Considering Europe as a region and a concept gives a methodological basis for perceiving Russia in the same way.

Keywords: Russia; Europe; region; concept; multiculturalism; fragmentation; Peace of Westphalia; Britain; Germany; Faustian culture; modernization; migration; history of Europe; European Union

REFERENCES

Anderson, P. (2007) *Na chto pokhozha real'naiia Evropa?* [Depicting Europe]. *Prognosis*, no. 3 (11), pp. 6–32. (In Russ.).

- Gossman, L. (2012) *Ideia Evropy* [The idea of Europe]. *Logos*, no. 4 (88), pp. 81–108. (In Russ.).
- Kymlicka, W. (2010) *Sovremennaiia politicheskaia filosofia: vvedenie* [Contemporary political philosophy: An introduction] / transl. from English by S. Moiseev. Moscow, Publ. House of the State University — Higher School Economics. 592 p. (In Russ.).
- Kolpakov, V. A. (2014) *Filosofia i nauka v prostranstve rozhdaiushcheisia sovremennosti* [Philosophy and science in the emerging modernity]. *Voprosy filosofii*, no. 8, pp. 54–64. (In Russ.).
- Levandovskii, V. (1994) *Ukraina v geopoliticheskikh kontseptsiiakh pervoi treti XX stoletia* [Ukraine in the geopolitical conceptions of the first third of the 20th century]. *Politicheskaia mysl'*, no. 3, pp. 59–69. (In Russ.).
- Naumann, F. (1918) *Sredinnaiia Evropa* [Mitteleuropa] / transl. from German by V. Fan-de-Flit ; foreword by B. E. Nolde. Petrograd, Ogni Publ. 136 p. (In Russ.).
- Pijl, K. van der (2006) *Lokkovskaia Evropa?* [A Lockean Europe?]. *Prognosis*, no. 2 (6), pp. 102–128. (In Russ.).
- Polanyi, K. (2002) *Velikaia transformatsiia: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni* [The great transformation: The political and economic origins of our time]. St. Petersburg, Aleteia Publ. 314 p. (In Russ.).
- Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. Sotsial'no-filosofskii analiz vzaimootnoshenii ekonomiki i obschestva* [The global capitalism: Three great transformations. A social and philosophic analysis of interactions between economy and the society]. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ. 608 p. (In Russ.).
- Hübner, K. (2001) *Natsiia: ot zabvenii k vozrozhdeniiu* [Nation: From oblivion to revival] / transl. from German by A. Yu. Antonovskii. Moscow, Kanon+ Publ. 400 p. (In Russ.).
- Citati, D. (2014) *Evropa ne est' Zapad: interesy, tsennosti i identichnost' v evropeiskoi traditsii* [Europe is not the West: Interests, values and identities in the European tradition]. *Perspektivy*. June 18. [online] Available at: http://perspektivy.info/rus/gos/jevropa_ne_jest_zapad_interesy_cennosti_i_identichnost_v_jeuropejskoj_tradicii_2014-06-18.htm [archived in WebCite] (accessed 17.08.2015). (In Russ.).
- Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy* [The decline of the west] / transl. by N. F. Garelin. Novosibirsk, VO "Nauka", Sibirskaiia izdatel'skaia firma [Nauka, Siberian Publ. Co]. 592 p. (In Russ.).
- Spengler, O. (2002) *Prussachestvo i sotsializm* [Prussianism and socialism] / transl. from German by G. D. Gurvich. Moscow, Praxis Publ. 240 p. (In Russ.).
- Spengler, O. (2015) *Vossozhdanie germanskogo reikba* [The rebuilding of the German Reich] / transl. from German by A. V. Pertsev and Yu. Iu. Korints ; afterword by A. V. Pertsev. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ. 223 p. (In Russ.).
- Huntington, S. (1996) *The clash of civilizations and the remaking of world order*. New York, Simon and Schuster. 367 p.
- Teschke, B. (2003) *The myth of 1648: Class, geopolitics, and the making of modern international relations*. London ; New York, Verso. 308 p.

Submission date: 12.09.2015.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного направления «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: valentina_fedotova@front.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, Social Philosophy Department, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences; Head of Research in "Social Philosophy and Development of Civil Society in Russia". Postal address: Bldg 1, 12 Goncharnaya St., 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: valentina_fedotova@front.ru